

УДК 327(520)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.74>

Сценарные модели мирового порядка в XXI в.: дискурс Японии

Е. А. Горячева*

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается дискурс академического сообщества политологов и экспертов по международным отношениям современной Японии, представлено их восприятие ключевых концептов, касающихся категории «мировой порядок», дается обзор аналитики относительно места и роли Японии на геополитической арене. Делаются выводы, что Япония имеет уникальное положение как участник системы мирового порядка, выстроенного США, но вместе с тем нередко воспринимается в мире как сателлит США, «второстепенная/средняя держава». Японским экспертным сообществом отмечается присущее Японии стремление претворить в жизнь в будущем такую систему, как «мировой порядок, основанный на правилах» (rule-based international order). Дается характеристика пяти сценариев мирового порядка, которые с высокой долей вероятности могут быть реализованы в мире в XXI в., по мнению японских исследователей международных отношений, отмечается растущая роль стран Глобального Юга при реализации любого из сценариев. Делается заключение, что международный порядок к середине XXI в. с наибольшей долей вероятности будет характеризоваться сбалансированной конкуренцией с элементами сдерживания, где США и Китай продолжают доминировать на глобальной арене, но будут стремиться минимизировать конфликты и поддерживать экономическую взаимосвязь, а Япония будет стремиться разрабатывать и внедрять привлекательные для развивающихся государств инклюзивные стратегии мирового порядка.

Ключевые слова: Япония, Китай, Российская Федерация, США, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), мировой порядок, национальная безопасность.

Для цитирования: Горячева Е. А. Сценарные модели мирового порядка в XXI в.: дискурс Японии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 54. С. 74–92. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.74>

Original article

Models of Global Order Scenarios in the 21st Century: The Japanese Discourse

Е. А. Goriacheva*

*Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of Far East FEB RAS,
Vladivostok, Russian Federation*

Abstract. The article examines the discourse of the academic community of political scientists and international relations experts in contemporary Japan, presenting their perception of key concepts related to the category of “global order.” It provides an overview of analytical perspectives concerning Japan’s place and role on the geopolitical stage. The article concludes that Japan holds a unique position as a participant in the world order system built by the United States, while at the same time, it is often perceived globally as a satellite of the United States, a “secondary state/middle power.” The Japanese experts underline Japan’s inherent aspiration to realize in the future a system such as a “rule-based international order.” The article includes overview of five global order scenarios that are highly likely to be realized in the 21st century, according to the Japanese researchers of international relations; the article emphasizes the growing role of Global South countries in the implementation of any of these scenarios. The conclusion is that the international order by the mid-21st century will most likely be characterized by balanced competition with elements of deterrence, where the United States and China will continue to dominate the global arena while seeking to minimize conflicts and maintain economic interdependence. At the same time, Japan seems to seek to develop and implement inclusive world order strategies attractive to developing countries.

Keywords: Japan, China, Russian Federation, United States, the Asia-Pacific Region (APR), the Indo-Pacific Region (IPR), global order, international order, national security

For citation: Goriacheva E.A. Models of Global Order Scenarios in the 21st Century: The Japanese Discourse. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 54, pp. 74-92. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.74> (in Russian)

Введение и постановка проблемы

В последнее время произошли события, повлекшие глобальные изменения в истории стран мира: пандемия COVID-19 и ее разрушительные последствия, переход в активную фазу конфликтов на Украине и в секторе Газа, рост напряженности в отношениях США и Китая, включая ситуацию вокруг Тайваня, смена риторики правительства США относительно актуальных событий геополитики после второго избрания президента Д. Трампа. Все это, а также нарастающие противоречия во внутренней политике Японии: экономический и демографический кризисы, проявляющееся недовольство населения страны снижением экономической и политической значимости Японии в международных отношениях на фоне набирающего мощь Китая, приводят к возникновению активных дискуссий на тему трансформации роли и места Японии как суверенного государства в мировом масштабе. Эти перемены уже сподвигли Токио обновить свою стратегию национальной безопасности в декабре 2022 г., включая ключевые программные документы в сфере обороны [5]. Японские эксперты говорят о цикличности истории: в 1945 г. закончился почти 80-летний цикл, начавшийся с преобразований реставрации Мэйдзи в 1868 г., а 2025 г. становится рубежом второго 80-летнего цикла, ведущего отсчет с реформ Японии после оккупации США после завершения войны на Тихом океане [15, p. 2].

В связи с этим представляется необходимым выяснить, в каком ключе в политологическом дискурсе Японии в 2020-х гг. ведется дискуссия относительно вариантов мироустройства, какие прогнозы развития и модели мирового порядка предлагаются экспертами, какая роль будет отведена Японии в этом новом мире согласно их интерпретации, соответствует ли это видение реальности или оно иллюзорно.

Дискурс о мировом порядке в Японии: базовые концепты, место и роль Японии в геополитике настоящего и будущего

В японской академической мысли под международным порядком (англ. international order, яп. 国際秩序) понимается система ценностей и институтов, которую можно охарактеризовать как адаптивную по отношению к либеральному международному порядку, главным идеологом и проводником которого в мире являются США [6; 12; 17; 18]. Хотя страна долгое время развивалась под защитой американской гегемонии, происходящие в мире сдвиги в балансе сил подталкивают Японию к более самостоятельной внешнеполитической стратегии.

Япония занимает уникальное положение как участник международного порядка, выстроенного США. Эта вовлеченность формировалась через военно-политический союз и участие в глобальной торговле. Однако в то же время Япония развивала собственную внешнеполитическую стратегию в Азии – так называемую азиатскую дипломатию и активную помощь через ОПР (а с 2023 г. и ОПБ) [1]. Это позволило Токио одновременно адаптироваться к американскому порядку и демонстрировать определенную независимость в АТР [8].

Японский политологический дискурс базируется на положении о том, что Япония стремится не только к реализации собственных интересов, но и к поддержанию международных норм и механизмов, направленных на стабильность. В центре этого подхода, который обозначается как «(мировой) порядок, основанный на правилах» (яп. ルールに基づく国際秩序), – приоритет мирного разрешения конфликтов, развитие институтов и уважение к международным соглашениям. Эти цели достигаются преимущественно через экономическое сотрудничество и дипломатические инициативы, а не посредством вмешательства¹.

Во времена второго премьерства С. Абэ японская внешняя политика начала отходить от исключительно реактивного поведения. Абэ провозгласил курс на укрепление альянса с США, продвижение принципов свободы и процветания и активное участие в безопасности региона Индо-Тихоокеанского региона. При этом он стремился утвердить Японию как самостоятельного актора, продвигающего правила международного поведения даже при взаимодействии с авторитарными странами. Это можно считать началом формирования концепции японского «мирового порядка, основанного на правилах»².

В условиях сохранения системного соперничества и глобального разделения по ценностям и политическим системам к середине XXI в. вероятность упадка гегемонистского порядка существенно возрастает. В этой связи для

¹ 第 157 回ベルグドルフ・ラウンドテーブル セッション：ルールに基づく国際秩序の擁護. 城内副大臣発言（仮訳）// МИД Японии. 10.11.2014. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000059075.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

² 第13回アジア安全保障会議（シャングリラ・ダイアログ）安倍内閣総理大臣の基調講演// МИД Японии. 30.05.2014. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/fp/nsp/page4_000496.html (дата обращения: 18.05.2025).

Японии становится приоритетным обеспечение мирного перехода и укрепление международной устойчивости, а также поддержание свободного и открытого международного пространства. Реализация этих задач требует от Японии проявления активной инициативы и усиления своей роли на мировой арене, опираясь на фундаментальные ценности либеральной демократии, которые являются основой ее национальной идентичности. Закрепив конституционные принципы и демократические институты после Второй мировой войны, Япония намерена продолжать развитие свободного и функционального общества, стремясь к поддержанию баланса сил в пользу свободного мира через обновление национальной мощи и укрепление союзов. Согласно исследованию группы политологов из НИИ РНР Souken (М. Ная, Т. Ито, Ю. Сато, С. Ямагути, К. Масафуми), ожидается, что в контексте неизбежной трансформации международной среды и ослабления экономического потенциала Японии к 2050 г. ее роль как дипломатического актора не утратит значимости. Опыт последних десятилетий показал, что даже при длительной дефляции Япония сохраняла высокую международную значимость, демонстрируя способность к адаптации и стратегическому маневрированию. Ключевым изменением после окончания холодной войны стала трансформация политики безопасности, в рамках которой Япония сократила разрыв между нарастающей потребностью в международной безопасности и своими возможностями, что позволило создать Национальный совет по безопасности 国家安全保障会議 (2013 г.), Управление национальной безопасности 国家安全保障局 (2014 г.) и принять законы о расширении полномочий Сил самообороны 平和安全保障法制 (2015 г.) [2].

Укрепляя союз с США и развивая концепцию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP), Япония не только поддерживает свою безопасность, но и демонстрирует способность к стратегическому лидерству в условиях глобальной нестабильности. Долгосрочная стратегия Японии в 2050 г. будет строиться на основе комплексного подхода к международному сотрудничеству, направленного на сохранение влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и за его пределами. Несмотря на возможное снижение экономического ранга до 10-го места по ВВП в середине XXI в., Япония продолжит активно участвовать в глобальной повестке через продвижение ценностей демократии и открытого сотрудничества. Политика адресной помощи и взаимодействия с развивающимися странами, успешно реализуемая на протяжении послевоенного периода, останется важным элементом дипломатического капитала, способствующим укреплению позиций Японии в условиях нарастающего влияния стран Глобального Юга [16, p. 77, 78].

Известный политолог-международник, специалист по политике современного Китая, профессор университета Досия Рё Асано утверждает, что нынешний мировой порядок невозможно описать с помощью традиционных теорий, опирающихся на стабильную структуру. Он отмечает, что либеральный международный порядок, сложившийся после холодной войны, сильно пошатнулся из-за нарастающего американо-китайского противостояния.

США продолжают стремиться к сохранению своего лидерства и поддержанию существующего порядка, тогда как Китай стремится построить альтернативный порядок, основанный на собственных ценностях и институтах. Ключевой идеей, предложенной Р. Асано концепции, служит метафорическое описание современного миропорядка как фрагментарной и аморфной структуры [14]. В интерпретации японского политолога это означает, что различные геополитические акторы характеризуются разными уровнями внутренней стабильности и влияния, и порядок, таким образом, не является фиксированным, он постоянно изменяется и не имеет четкой формы. Подобный мировой порядок сочетает в себе черты многополярности (несколько влиятельных государств) и бесполюсности (отсутствие лидера), что делает его нестабильным и трудно прогнозируемым. Он способен быстро трансформироваться под воздействием внешних событий или решений лидеров важнейших акторов. В подобной трактовке Р. Асано не одинок, эту точку зрения о фрагментарности мирового порядка озвучивали также С. Бреннен из Центра стратегических и международных исследований США в 2020 г.³ и глава Китайского университета иностранных дел (CFAU) бывший дипломат Цинь Яцин, отмечавший, что миропорядок движется в сторону «мультидифференциации, многомерности и многополярности» [20].

США определяют Китай как угрозу в сферах экономики, ценностей и безопасности, что легло в основу концепции стратегического соперничества. Китай, в свою очередь, переходит от стратегии «скрывай силу, жди своего часа» (кит. 韜光養晦), предложенной Дэн Сяопином в середине 1980-х – начале 1990-х, к активной внешней политике в интерпретации Си Цзиньпина «стремись к достижениям!» (кит. 奮發有為) [13], о чем лидер страны заявил в своем выступлении на заседании КПК в 2013 г.⁴

Ключевая проблема современного порядка – дилемма между экономическими интересами и вопросами безопасности. Несмотря на взаимозависимость в экономике, США и Китай усиливают контроль над технологиями, киберпространством и цепочками поставок. Р. Асано подчеркивает, что экономика стала не просто инструментом политики, а центральной ареной международного соперничества. Это приводит к усилению концепций вроде «экономической безопасности» и «экономической гегемонии». Это соперничество выходит за рамки рационального анализа: действия таких лидеров, как Д. Трамп или Си Цзиньпин, зачастую основываются на внутренних политических мотивах и личных чертах, что делает международный порядок еще более непредсказуемым. Помимо этого, проявлением новой китайской стратегии по стремлению к достижениям во внешней политике являются, например, инициативы «Один пояс – один путь» и Глобальная инициатива в сфере безопасности. В понимании Р. Асано Китай стремится построить по-

³ Brannen S. Four Scenarios for Geopolitical Order in 2025-2030: What Will Great Power Competition Look Like // CSIS. 16.09.2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/four-scenarios-geopolitical-order-2025-2030-what-will-great-power-competition-look> (дата обращения: 18.05.2025).

⁴ China: Xi Jinping's Administration – Proactive Policies at Home and Abroad // National Institute for Defense Studies. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2015/east-asian_e2015_03.pdf (дата обращения: 18.05.2025).

рядок, отличный от американского, с собственными ценностями и институтами. При этом Китай продвигает модель развивающейся автократии и авторитарного управления. Таким образом, в сплетении сфер экономики и национальной безопасности усиливается стратегическое соперничество между государствами.

Ситуация усугубляется тем, что США и Китай имеют разные представления о международном порядке. Их противостояние стало борьбой за саму форму и сущность мирового порядка. В результате международный порядок все больше принимает форму многополярной и региональной коэкзистенции, а не единой структуры [18, p. 474–477].

Р. Асано разделяет мнение Дж. Айкенберри и Д. Нексона о том, что Япония относится к так называемой немногочисленной группе второстепенных/средних держав (англ. *small group of secondary states*, яп. 「二等国の小集団」 [9, p. 413], однако отмечает, что подобная трактовка не встречает полного принятия в японском дискурсе, в отличие от американского [18, p. 478, 479]. Так называемые второстепенные державы (Япония, Австралия, Индия и др.) играют усиливающуюся роль в поддержании регионального порядка, особенно в рамках инициативы FOIP. Их сотрудничество с США компенсирует ослабление американского гегемонизма, создавая новые формы многостороннего взаимодействия, такие как QUAD (Япония, США, Австралия, Индия). Особое значение приобретает также позиция региональных организаций (ASEAN), которые маневрируют между США и Китаем, сохраняя автономию и стратегическую гибкость. Это смещает фокус с классического баланса сил на баланс влияния. Таким образом, ASEAN поддерживает стратегический нейтралитет, развивая отношения с обеими державами. Позиция второстепенных держав, в том числе Японии, в геополитике способствует стабилизации регионального порядка, поскольку для таких стран важно сохранять свободу внешнеполитического выбора, насколько это возможно в условиях текущей постоянно меняющейся реальности [18, p. 479, 482, p. 494–498].

Либеральный международный порядок (ЛИМП, англ. *Liberal International Order*, яп. リベラルな国際秩序), сложившийся после Второй мировой войны под руководством стран Запада и их аксиологических подходов, в последние годы столкнулся с серьезными вызовами как со стороны государств не-Запада, так и от стран Глобального Юга. На этом фоне один из наиболее известных японских международных, бывший советник премьер-министра Японии С. Абэ Юити Хосоя из университета Кэйо продвигает концепцию активной роли Японии как геополитического посредника и реформатора либерального международного порядка. Его подход изложен в труде «*The Transformation of the Liberal International Order: Evolutions and Limitations*» [11].

Стремление Японии более активно участвовать в формировании будущего мирового порядка было отмечено еще в декабре 2013 г., в программном документе «Стратегия национальной безопасности». В нем в качестве фундаментальной основы политики Японии провозглашается «активный паци-

физм на основе международного сотрудничества», декларируется готовность «играть еще более активную роль в обеспечении мира и стабильности международного сообщества», а также подчеркивается основополагающий концепт «укрепление верховенства права»: «Будучи сторонником верховенства права, [Япония] не только будет и впредь добросовестно соблюдать международное право, но и *активно участвовать с этапа разработки в создании различных международных правил*, направленных на его укрепление в мировом сообществе»⁵ [19].

Ю. Хосоя отмечает, что необходимость формирования обновленного порядка диктуется подъемом Китая и России, который сопровождается ростом напряженности в международной системе. Эти государства позиционируются в японском дискурсе как отвергающие ключевые нормы ЛМП, что ослабляет его институциональные основы [11, р. 4]. Страны Глобального Юга, в свою очередь, все чаще воспринимают ЛМП как продукт западной цивилизации, не учитывающий их интересов. Это ставит под сомнение универсальность и справедливость данной формы мирового устройства. Многие развивающиеся государства считают либеральный порядок исключаящим их интересы и способствующим сохранению западной гегемонии. Такая двойная критика подчеркивает необходимость институциональной реформы и расширения инклюзивности международного порядка [11, р. 5].

По мнению ученого, Япония занимает уникальную позицию, позволяющую ей выступать посредником между западными державами и странами не-западного мира, особенно в Азии. Благодаря своему геополитическому положению и пацифистской внешней политике после Второй мировой войны, Япония обладает высоким уровнем дипломатического доверия как на Севере, так и на Юге. Будучи стабильной демократией с прочными политико-экономическими связями с Западом, Япония способна формировать доверие и служить ретранслятором норм между различными цивилизациями. Колониальное прошлое Японии в Азии, несмотря на его сложность и существующие проблемы исторической памяти, также способствовало формированию длительных институциональных и культурных связей с соседними странами. Ю. Хосоя призывает использовать это наследие для стимулирования взаимопонимания и инклюзивного диалога в международных организациях. Посредническая роль Японии может помочь преодолеть культурные и идеологические разрывы, заложенные в текущем порядке. Тем самым Япония не только способствует стабильности в регионе, но и укрепляет легитимность реформированного либерального миропорядка⁶.

Реформа либерального порядка, по мнению Ю. Хосоя, предполагает не только защиту существующих институтов, но и их адаптацию к новой глобальной реальности. Для реализации этой задачи Япония должна углубить

⁵ 国家安全保障会議「国家安全保障戦略」 2013年12月17日閣議決定 // Кабинет министров Японии. 17.12.2013. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou.html> (дата обращения: 18.05.2025).

⁶ Hosoya Yu. et al. Japan as a Member of the Defenders of the Liberal International Order // Stimson.org. 12.06.2024. URL: <https://www.stimson.org/2024/japan-as-a-member-of-the-defenders-of-the-liberal-international-order/> (дата обращения: 17.05.2025).

сотрудничество с Глобальным Югом, стремясь к созданию более сбалансированного порядка [11, р. 6]. Политолог подчеркивает важность совместной работы Японии, США, Европы и стран Индо-Тихоокеанского региона по формированию именно инклюзивного порядка, способного отражать многообразие политических и культурных позиций. Это требует как структурных изменений (например, реформы международных институтов), так и пересмотра нормативных принципов, на которых основан данный порядок. Без такого расширения инклюзивности ЛМП рискует углубить разрыв между развитыми странами и остальным миром. ЛМП должен эволюционировать в ответ на новые геополитические и экономические реалии, включая усиление стран Глобального Юга. Япония, имея большой опыт в дипломатии и консенсусном подходе, может сыграть ведущую роль в формировании легитимных и реализуемых реформ. Конечная цель реформы – создать международный порядок, который останется основанным на правилах, но будет восприниматься как универсальный, а не прозападный. Это позволит системе оставаться устойчивой и релевантной в условиях быстро меняющегося мира [11, р. 7, 8].

Одним из предлагаемых Японией к реализации вариантов альтернативного ЛМП служит стратегическая инициатива FOIP⁷. Эта инициатива преподносится как инструмент продвижения принципов свободы, верховенства закона и экономической открытости. Она должна, по идее, подкрепить лидерство Японии в построении вышеупомянутого инклюзивного регионального порядка. Важной особенностью этой стратегии является ее гибкость: она предусматривает сотрудничество как с единомышленниками, так и с теми, кто не разделяет либеральные ценности. Ю. Хосоя делает акцент на важности создания гибких коалиций, основанных на общих интересах и ценностях, вместо бинарного выбора «Запад или Восток». Это особенно актуально для стран с двойственной внешнеполитической ориентацией. Ю. Хосоя рассматривает FOIP как реалистичную форму продвижения внешнеполитических приоритетов Японии, сочетающую идеализм с геополитической прагматикой, где Япония активно укрепляет партнерства посредством инфраструктурных проектов, развития потенциала и дипломатических усилий в Юго-Восточной и Южной Азии, а также в Африке. Эти инициативы способствуют формированию международного порядка, не навязывающего ценности, а поддерживающего устойчивость через сотрудничество. Таким образом, Япония сможет способствовать реформе ЛМП «изнутри», делая его более гибким и регионально укорененным [11, р. 9, 10].

Представляется интересным рассмотреть политологический дискурс Японии, отраженный в дискуссии группы ведущих аналитиков-международников, профессоров К. Эндо (университет Хоккайдо), Р. Оосиба (университет Аояма Гакуин), Т. Накаяма (университет Кэйо), бывший советник Министерства обороны), Т. Мияги (университет Дзёти). Они выделили следующие тенденции, характерные для трансформации международного

⁷ 自由で開かれたインド太平洋 //

МИД

Японии.

16.10.2024.

URL:

https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/page25_001766.html (дата обращения: 17.05.2025).

порядка и стратегического положения современной Японии, используя многочисленные отсылки к концепции миропорядка Дж. Айкенберри [10]. Во-первых, продолжается трансформация роли США в геополитике, начиная с 2017 г., наблюдается устойчивая тенденция к редукции присутствия США в международных институциональных структурах, получившая значительное ускорение в период администрации Д. Трампа (2017–2021 гг.). Концептуальная переориентация с глобального лидерства на национально-центричный подход («Америка прежде всего», англ. *America First*), впервые обозначенная в тот период, существенно дестабилизировала фундаментальные принципы либерального международного порядка, базирующегося на многостороннем сотрудничестве. Во-вторых, ученые отмечают кризис интеграционной парадигмы в пространстве Европы. Данный системный кризис европейской интеграции проявляется через комплекс взаимосвязанных факторов: прекращение членства Великобритании в Европейском союзе, популистские движения, обеднение среднего класса. Все это обнажает структурные противоречия европейских институциональных механизмов и подрывает их устойчивость в условиях ослабления трансатлантической солидарности. В-третьих, в мире транслируются альтернативные взгляды КНР на существующий мировой порядок, который японские политологи расценивают как вызов существующему порядку. Так, в их интерпретации КНР реализует стратегию альтернативной институциональной экспансии через создание параллельных финансово-экономических механизмов (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций АИВ) и масштабных инфраструктурных инициатив («Один пояс – один путь»). Это формирует новую парадигму международных отношений, конкурирующую с традиционными либеральными ценностями стран Запада [21, р. 1–5].

Для того чтобы Япония могла эффективно продвигать свое видение мирового порядка, необходимо принимать во внимание ряд фундаментальных предпосылок. Так, прежде всего, необходима семантическая дифференциация понятийного аппарата: разделение «послевоенного мирового порядка» как институциональной матрицы стабильности и ЛМП как идеологического проекта Японии по универсализации западных ценностных установок. Современный кризис затрагивает преимущественно вторую парадигму, оставляя относительно неповрежденной ее институциональную составляющую. Ситуация осложняется тем, что трансформация глобальной системы характеризуется возвратом к реалистическим принципам международных отношений. Стратегия Пекина заключается в операционализации существующих институциональных механизмов для постепенной трансформации нормативной базы в свою пользу [21, р. 5, 6].

По мнению японских экспертов, какие внешнеполитические императивы должны быть разработаны для становления и продвижения японского подхода к мировому порядку? В данном вопросе представленный в ходе дискуссии подход достаточно традиционен. В текущих условиях Япония должна осуществить качественную трансформацию своей внешнеполитической стратегии, сфокусировавшись на институциональном усилении японо-

американского альянса, активизации участия в многосторонних экономических соглашениях (Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и т. п.), диверсификации механизмов национальной безопасности страны. В том, что касается внутренней политики как базы демократической стабильности, сквозь призму социально-экономических предпосылок К. Эндо акцентирует необходимость возрождения японского среднего класса как социальной базы демократии через координированную налоговую и перераспределительную политику на глобальном уровне. В свою очередь, модель управляемого регионализма, предложенная Т. Мияги, предполагает синтезирование безопасности альянса Японии с США и экономической интеграции с КНР через механизмы ASEAN+3 и ТПП [21, р. 6, 7].

Помимо этого, заслуживает особого внимания позиция политолога Нобухико Тамаки, доцента факультета права университета Тюо. Его подход примечателен тем, что он фокусируется на исследовании политической динамики асимметричных союзов, особенно между Японией и США, а также их влиянии на формирование международного порядка. В своих работах он сочетает реалистический анализ баланса сил с вниманием к идеям, идентичности и дипломатическим традициям Японии.

На фоне ослабления гегемонии Соединенных Штатов Япония формулирует собственную концепцию поддержания международного порядка, основанного на правилах. В отличие от подхода Вашингтона, акцентирующего внимание на демократических ценностях и правах человека, дипломатия Токио делает приоритетными стабильность международной системы и многостороннее сотрудничество. При сохранении стратегического партнерства с США Токио реализует многовекторную политику, направленную на интеграцию режимов, которые относит к авторитарным, в существующую систему международных отношений.

Послевоенная история Японии демонстрирует процесс адаптации к американскому либеральному порядку через формирование уникальной модели безопасности. Принятие пацифистской конституции и заключение Договора о безопасности с США определили параметры развития японской оборонной политики. В период холодной войны страна сосредоточилась на экономическом развитии, что позволило ей занять значимое место в международных институтах и выработать собственную азиатскую дипломатическую стратегию, модифицируя американский подход через акцент на экономическое развитие как фактор стабильности региона [12].

Период 1970–1980-х гг. характеризуется доминированием Доктрины Ёсида, предполагавшей минимальное военное присутствие при максимальной экономической активности. Постбиполярный период потребовал пересмотра данной стратегии вследствие внутренних экономических вызовов и изменений международной обстановки. Это привело к поэтапному расширению мандата Сил самообороны, особенно в части участия в международных миротворческих операциях, и формированию концепции «(либерального) интернационализма» (яп. 国際主義), сочетающего глобальное участие с

осторожным подходом к продвижению либеральных ценностей [2, с. 31–35; 12, р. 389, 390].

Эскалация территориального спора с КНР вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао) стала катализатором для качественного усиления японского военного потенциала. Стратегический ответ включал создание специализированных военных подразделений и укрепление береговой охраны. Параллельно развивались новые форматы многостороннего сотрудничества в рамках концепции FOIP. При этом Япония последовательно избегала полномасштабной конфронтации с Китаем, сохраняя каналы диалога и экономического взаимодействия. Однако первое президентство Д. Трампа (2017–2021 гг.) актуализировало вопрос надежности американских гарантий безопасности. В ответ Япония разработала комплексную стратегию укрепления двусторонних связей при одновременной диверсификации международных партнерств. Характерной чертой японской позиции стало стремление избежать радикализации риторики в отношении Китая, проявляющееся в сдержанной позиции по вопросам прав человека в Гонконге и Синьцзяне. Данная тактика отражает балансирование между обязательствами перед союзником и необходимостью поддержания конструктивного диалога с Пекином [12, р. 395, 396].

Н. Тамаки делает вывод, что Япония ориентируется на формирование международного порядка, основанного на правилах, реализация которого осуществляется посредством сочетания стратегии баланса сил и дипломатического согласования позиций, включая взаимодействие с КНР. При этом Токио стремится к поиску точек соприкосновения с Пекином на фоне обновленной и прочной системы альянсов. В рамках стратегического видения Японии альянс с США продолжает оставаться ключевым внешнеполитическим инструментом, однако рассматривается не как единственный, а лишь один из множества механизмов реализации концепции мирового порядка, основанного на правилах.

Несмотря на вышеописанное, Н. Тамаки подчеркивает, что Япония, безусловно, не представляет собой единое и однозначное политическое целое: внутри страны наблюдается диверсификация экспертных и общественно-политических взглядов относительно содержания и направленности продвигаемых международных норм. В этом контексте актуализируется вопрос: целесообразно ли добиваться дипломатических уступок от государств, которые, по мнению японской стороны, систематически нарушают существующие договоренности и не демонстрируют готовности к конструктивному диалогу?⁸ В качестве позитивного и относительно успешного подхода к подобному диалогу Н. Тамаки упоминает внешнеполитическую линию администрации С. Абэ, последовательно развивавшую двусторонние отношения с Российской Федерацией, несмотря на скепсис и критику со стороны части японского экспертного сообщества [12, р. 397].

⁸ К этим странам в 2010–2020-е гг. в дискурсе политических, научных, деловых и журналистских кругов Японии, как правило, относят Россию и Китай.

Сценарные модели мирового порядка в XXI в.

В современной международной системе наблюдается формирование двух полярных групп государств, дифференцированных по принципу их отношения к роли США как признанного политического лидера. Данные объединения могут быть классифицированы как государства Запада и страны незападной ориентации – анти-Запада. Первую категорию составляют, помимо собственно США, Великобритания, Канада, страны – члены Европейского союза, Австралия и Новая Зеландия, а также ключевые восточноазиатские партнеры Вашингтона – Япония и Республика Корея [4]. Основным фактором, определяющим общие векторы международного порядка в 2050 г., как представляется японским исследователям из НИИ RHP Souken (М. Ная, Т. Ито, Ю. Сато, С. Ямагути, К. Масафуми), станет структура полюсов (распределение сил). Безусловно, мировой порядок не определяется исключительно количеством влиятельных стран, на него также оказывают значительное влияние такие факторы, как союзные отношения, партнерства, а также подъем новых держав и коллективные действия развивающихся стран. Следует учитывать, что степень влияния этих факторов будет различной в зависимости от сферы: в области безопасности, где отмечается доминирование силы как совокупности реальных военных возможностей, ее роль будет более заметной, чем в экономике, где задействовано множество посреднических переменных. В широком смысле на международный порядок, согласно японскому дискурсу о международных отношениях, могут оказывать влияние два ключевых аспекта:

1) статус доминирующих держав в распределении сил (например, однополярная, биполярная, многополярная структура; соотношение сил между ведущими державами; характер внутреннего устройства этих стран);

2) организация большинства остальных государств, т. е. то, как великие державы (например, США и Китай) смогут структурировать свои коалиции и союзы, используя такие факторы, как ценности, поддержка и влияние. При этом способность ведущих стран (например, США и Китая) организовать других игроков зависит не только от их силы, но и от того, как другие страны реагируют на существующее распределение сил и реальной экономической мощи (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ВВП стран мира, включая прогнозные значения
(1980–2075 гг.) [7, p. 20; 16, p. 18]

1980 г.	2000 г.	2022 г.	2050 г.	2075 г.
США	США	США	Китай	Китай
Япония	Япония	Китай	США	Индия
Германия (ФРГ)	Германия (ФРГ)	Япония	Индия	США
Франция	Великобритания	Германия	Индонезия	Индонезия
Великобритания	Франция	Индия	Германия	Нигерия
Италия	Китай	Великобритания	Япония	Пакистан
Китай	Италия	Франция	Великобритания	Египет
Канада	Канада	Канада	Бразилия	Бразилия
Аргентина	Мексика	Россия	Франция	Германия

Окончание табл. 1

1980 г.	2000 г.	2022 г.	2050 г.	2075 г.
Испания	Бразилия	Италия	Россия	Великобритания
Мексика	Испания	Бразилия	Мексика	Мексика
Нидерланды	Республика Корея	Республика Корея	Египет	Япония
Индия	Индия	Австралия	Сауд. Аравия	Россия
Сауд. Аравия	Нидерланды	Мексика	Канада	Филиппины
Австралия	Австралия	Испания	Нигерия	Франция

Видение потенциально реализуемых к 2050 г. моделей мирового порядка в интерпретации М. Ная, Т. Ито, Ю. Сато, С. Ямагути, К. Масафуми представлено в табл. 2.

Таблица 2

Модели мирового порядка [16, р. 36]

Модель мирового порядка	Возвращение к политике силы (А)	Конкурентное сосуществование (холодная война) (В)	Многополярный региональный порядок (С)	Взаимопроникающая конкуренция (D)	Либеральный международный порядок (Е)
Взгляд на гегемонию	Неконцентрированная, децентрализованная (отсутствие гегемонии)	Децентрализованная гегемония и сферы влияния	Сосуществование автономных региональных порядков	Мягкая гегемония с ограниченным вызовом	Единый гегемонистский порядок
Основной подход	Баланс сил	Разделение и сдерживание, ограниченные конфликты	Борьба великих держав и хеджирование развивающихся стран	Конкуренция и защита ключевых областей (ограничительные меры)	Взаимозависимость, формирование режимов
Безопасность	Система баланса сил	Самоусиление, союзы, геополитическое противостояние и военное сдерживание	Конкуренция влияния между великими державами и стратегия развивающихся стран	Строительство альянсов и партнерств, сдерживание политической конкуренции	Инклюзивная и кооперативная система безопасности
Международная экономика	Меркантилизм (протекционизм)	Разделение и агрессивное расщепление (декаплинг)	Стратегии развития развивающихся стран и торговля	Экономическая безопасность, взаимозависимость и минимизация рисков (дерискинг)	Открытая и свободная рыночная экономика

Основные сценарии мирового порядка

В рамках вышеизложенного анализа японские исследователи НИИ RHP Souken реконструируют несколько сценариев мирового порядка, которые представлены в табл. 2. На крайних позициях А и Е в их трактовке находятся сценарии, которые теоретически возможны, но их вероятность реализации крайне низка.

Сценарий А. Возвращение к политике силы. Это сценарий крупномасштабной войны, при которой происходит крах существующей системы. Несмотря на то что подобная угроза полностью не исключена в рамках системы суверенных государств, при нынешнем распределении сил подавляющее большинство стран уже сильно зависят от глобальной взаимосвязанности. Это делает крупномасштабные разрушительные войны маловероятными.

Сценарий Е. Либеральный международный порядок. Этот сценарий близок к гегемонистскому порядку, который сложился после холодной войны под руководством США. Однако на сегодняшний день избыточный либерализм и чрезмерная глобализация стали причиной политической фрагментации и подъема антимиграционного популизма в разных странах. Даже если некоторые государства хотят возродить этот порядок, изменения в балансе сил делают его практически невозможным.

Наиболее вероятными, по мнению коллектива М. Ная, могут стать три средних сценария – В, С и D.

Сценарий В. Конкурентное сосуществование (холодная война). Этот сценарий характеризуется разделением мира на два лагеря – США и Китай – по аналогии с холодной войной. Большинство крупных стран присоединяются к одному из этих блоков, и основной стратегией становится политика сдерживания противника и привлечения союзников. В сфере безопасности формируются формальные союзы и тесные политические связи, геополитические границы становятся источником напряженности. Угрозы со стороны кибератак и политическая нестабильность на границах усугубляют напряженность, а также возрастает гонка вооружений и милитаризация приграничных территорий. В экономике преобладает агрессивный декаплинг, при этом торговля и инвестиции не прекращаются полностью; ограничиваются не только передовые технологии, но и торговля продовольствием, ресурсами и потребительскими товарами. Финансовые транзакции становятся фрагментированными, разделяются платежные системы, появляются закрытые экономические блоки, что ведет к сокращению глобальной экономики.

Сценарий D. Взаимопроникающая конкуренция. Данный сценарий предполагает наличие противостояния, но на более управляемом уровне: в основе стремление минимизировать издержки разрыва, избегая эскалации конфликта. Обе стороны стремятся к созданию механизмов предотвращения кризисов, так называемых гардрейлов. В сфере национальной безопасности сосуществуют менее формализованные союзы, делается акцент на политическом партнерстве и дипломатии, предпринимаются усиленные меры предотвращения прямого конфликта. В экономике сохраняются торговые и инвестиционные связи, но с повышенным контролем и регулированием, торговые ограничения касаются в основном стратегических технологий и безопасности. Квинтэссенция данного сценария – политика *small yard, high fence* (англ. «тесный двор, высокий забор»), предложенная советником президента США Дж. Салливаном⁹ [16, p. 36, 37].

⁹ Формула взаимодействия США с КНР, в основе которой лежит принцип обеспечения национальной самодостаточности и сохранения глобального лидерства посредством целенаправленного ограничения торгово-инвестиционных связей с Китаем. Данная стратегия предполагает выборочный характер декаплинга, который распространяется исключительно на узкий круг критически значимых секторов.

Сценарий С. Многополярный региональный порядок. Этот сценарий включает элементы как противостояния, так и сотрудничества, где конкуренция регулируется через механизмы политического сдерживания и экономического сотрудничества. Акцент делается на гибкости отношений и управляемости рисков. В этом сценарии влияние стран Глобального Юга резко возрастает, а новые региональные державы помимо Китая укрепляют свою автономию и стремятся формировать собственные региональные порядки. В результате на международной арене сосуществуют несколько влиятельных региональных порядков. Международный порядок перестает быть строго централизованным, ориентированным на одну доминирующую силу, и становится более гибким и многослойным, представляя собой совокупность отношений между разными региональными структурами.

В области безопасности великие державы создают своего рода «малые гегемонии» (яп. 小霸権), каждая из которых обладает высокой автономией. Это снижает вероятность резких конфликтов между регионами. Великие державы конкурируют за влияние не путем прямого вмешательства, а выступают в качестве акторов внутри региональной политики. Ведущие новые региональные игроки стремятся балансировать между США и Китаем, применяя стратегии хеджирования (уклонения от однозначного выбора стороны). США и Китай могут быть втянуты в региональные процессы, если новые региональные державы будут использовать стратегию хеджирования на грани возможного.

В экономической сфере возрастает значение национальных стратегий развития, особенно среди стран Глобального Юга и развивающихся государств. При этом рост региональных экономик снижает зависимость от внешних рынков, увеличивается доля региональной торговли и производства, что снижает зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры. Это дает возможность даже при продолжающемся противостоянии великих держав региональным структурам сохранять свою автономию и не втягиваться в конфликты.

Одним из наиболее перспективных регионов для реализации данного сценария является АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), где наблюдается определенная степень автономии.

Разделение позиций стран внутри региона:

1. Страны Индокитая (например, Лаос и Камбоджа) тяготеют к Китаю.
2. Островные государства (например, Филиппины и Сингапур) склоняются к сотрудничеству с Западом.
3. Индонезия, Малайзия и Таиланд стремятся сохранять баланс и единство АСЕАН.

В 2024 г. администрация США, стремясь минимизировать риски утечки передовых технологий и предотвращения появления новых китайских конкурентов, инициировала введение полного или частичного запрета на размещение частных инвестиций в так называемых странах риска. Данные ограничения затронули три высокотехнологичных сектора: производство полупроводников и микроэлектроники, квантовую криптографию, а также отдельные направления разработки систем искусственного интеллекта [3, с. 117]

Так как в случае с АСЕАН остается актуальным высокая внешняя зависимость, особенно в экономическом плане, сценарий многополярного регионального порядка (С) может быть реализован только частично, интегрируясь с другими сценариями (В и D). Примером может служить экономическое сотрудничество стран Глобального Юга с Китаем при одновременном обеспечении безопасности в партнерстве с США. Такая гибридная стратегия (хеджирование) позволяет сохранять баланс между противостоящими великими державами. Несмотря на значительную роль великих держав при формировании будущего мирового порядка, возможным итогом станет «мягкая биполярность» (яп. 緩い二極構造, англ. loose bipolarity), в которой Глобальный Юг будет смягчать жесткие противоречия между странами мира. Однако при этом международные организации, такие как ООН и G20, вероятно, сохранят пассивную роль, поскольку система глобального соперничества (яп. 体制間競争, англ. systemic rivalry) затруднит достижение реального многостороннего сотрудничества. Страны Глобального Юга будут стремиться к стратегии маневрирования – изменению позиций в зависимости от контекста, чтобы сохранить максимальную гибкость и выгоду в условиях конкуренции великих держав [16, р. 37–39].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что из перечисленных пяти сценариев мирового порядка прогнозы наиболее вероятных сценариев, согласно японскому мейнстримному политологическому дискурсу, лежат между крайними позициями (А и Е). Вероятнее всего, международный порядок к 2050 г. будет характеризоваться сбалансированной конкуренцией с элементами сдерживания, где США и Китай продолжат доминировать на глобальной арене, но стремятся минимизировать конфликты и поддерживать экономическую взаимосвязь.

Таким образом, можно сделать вывод, что при всем многообразии экспортных точек зрения японских исследователей их объединяет ряд общих черт. Все они сходятся в том, что современная японская внешняя политика базируется на концепции поддержания международного порядка, основанного на правилах, где приоритет отдается защите принципов международного права, обеспечению свободы торговли и морской навигации. Они отмечают сохранение и поддержание союзнических отношений с США как краеугольный камень внешнеполитического курса Токио, что согласуется и с точкой зрения МИД Японии. Но для Японии, в отличие от США, хотя продвижение демократических ценностей и остается долгосрочной целью, оно не является инструментом текущей внешней политики. Япония в XXI в. будет стремиться к созданию инклюзивной системы международных отношений, способной интегрировать различные режимы, включая Китай и страны Глобального Юга, при сохранении ключевой роли альянса с США как фундаментального элемента национальной безопасности.

Список литературы

1. Горячева Е. А. Программа «Официальная помощь в целях безопасности» Японии: цели и перспективы в условиях новой геополитической реальности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. С. 57–68. DOI 10.26516/2073-3380.2024.47.57. EDN JAGZUN.
2. Киреева А. А., Нелидов В. В. Прошлое и настоящее Сил самообороны Японии: роль в государстве, обществе и на международной арене // Ежегодник Японии. 2018. Т. 47. С. 29–54. DOI 10.24411/0235-8182-2018-10002. EDN VUIMRQ.
3. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 108–135. DOI 10.5922/2079-8555-2024-3-6. EDN BXGDFJ.
4. Стрельцов Д. В. Новая «холодная война»: глобальное и восточноазиатское измерения // Международные процессы. 2024. Т. 22, № 2(77). С. 7–24. DOI 10.46272/IT.2024.22.2.77.3. EDN NLDCWO.
5. Стрельцов Д. В. О новой концепции национальной безопасности Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 9–25. DOI 10.31857/S013128120025335-9. EDN UCGJYQ.
6. Berger T. U. Conclusion: The pragmatic liberalism of an adaptive state // Japan in international politics: Beyond the reactive state. Lynne Rienner Press, 2007. P. 259–299.
7. Daly K., Gedminas T. The Path to 2075 – Slower Global Growth, But Convergence Remains Intact // Goldman Sachs Economic Report. 2022. 45 p.
8. Heginbotham, E., Samuels, R. J. Japan's Dual Hedge // Foreign Affairs. N 81(5). P. 110–121. DOI 10.2307/20033272
9. Ikenberry G., Nexon D. Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders // Security Studies. 2019. Vol. 28, N 3. P. 395–421. DOI 10.1080/09636412.2019.1604981
10. Ikenberry G. The Future of the Liberal World Order: Internationalism After America // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90, N 3. P. 56–68.
11. Kundnani H., Hosoya Y. (eds.). The Transformation of the Liberal International Order: Evolutions and Limitations. Springer, 2024. 140 p.
12. Tamaki N. Japan's quest for a rules-based international order: the Japan-US alliance and the decline of US liberal hegemony // Contemporary Politics. 2020. Vol. 26, N 4. P. 384–401. DOI 10.1080/13569775.2020.1777041
13. Yan X. From keeping a low profile to striving for achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7, N 2. P. 153–184.
14. Асано Рё [浅野亮]. Китайско-американские отношения и мировой порядок: фрагментарный и аморфный [米中関係と国際秩序. 「まだら」で「ぶよぶよ」した秩序] // Правоведение университета Досея [同志社法学]. 2021. Vol. 73, N 3. P. 473–508.
15. Исигава Томохиса [石川 智久]. 2025 год как поворотная точка истории [2025 年を歴史的観点で考える] // Обзор НИИ Сокэн [日本総研Viewpoint]. N 2024-033. P. 1–2.
16. Ная Масацугу, Ито Тоору и др. [納家政嗣, 伊藤融他]. Международный порядок 2050 года и система координат Японии. [2050年の国際秩序と日本の座標軸]. Стратегический центр НИИ Сокэн [政策シンクタンクPHP 総研], 2024. 116 p.
17. Ооба Миэ [大庭 三枝]. Тридцатилетие современной дипломатии Японии [現代日本外交の三〇年] // Международная политика [国際政治]. 2019. Vol. 2019, N 196. P. 97–115.
18. Сиратори Дзюньитиро [白鳥 潤一郎]. Японская дипломатия после холодной войны: поиск новых ценностей [「価値」をめぐる模索—冷戦後日本外交の新局面—] // Международная безопасность [国際安全保障]. 2018. Vol. 45, N 4. P. 68–85.
19. Хосоя Юити [細谷雄一]. Либеральный мировой порядок и дипломатия Японии [リベラルな国際秩序と日本外交] // Проблемы международных отношений [国際問題]. 2020. N 690. P. 1–12.

20. Цинь Яцин [秦亜青]. Президентские выборы в США и трансформация мирового порядка [美国大選与世界格局的走向] // Современные международные исследования [現代国際関係]. 2020. N 12. P. 1–3.

21. Эндо Кэн, Оосиба Рё, Накаяма Тосихиро, Мияги Тайдзо [遠藤 乾, 大芝亮, 中山 俊宏, 宮城 大蔵]. Находится ли международный порядок в состоянии кризиса? [国際秩序は揺らいでいるのか] // Проблемы международных отношений [国際問題]. 2018. N 668. P. 1–17.

References

1. Goriacheva E.A. Programma “Oficialnaya pomoshh v celyax bezopasnosti” Yaponii: celi i perspektivy v usloviyax novoj geopoliticheskoy realnosti [Official security assistance program of Japan: its goals and perspectives in the context of new geopolitic]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 47, pp. 57–68. DOI 10.26516/2073-3380.2024.47.57 (in Russian)

2. Kireeva A.A., Nelidov V.V. Proshloe i nastoyashhee Sil samooborony Yaponii: rol' v gosudarstve, obshhestve i na mezhdunarodnoj arene [The past and present of Japan's self-defense forces: their role in the state, society, and international arena]. *Ezhegodnik Yaponiya*, 2018, vol. 47, pp. 29–54. DOI 10.24411/0235-8182-2018-10002. (in Russian)

3. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. Kurs na tehnologicheskij suverenitet: novyj global'nyj trend i rossijskaya specifika [Technological Sovereignty as a New Global Trend: Implications for Russia]. *Baltic Region*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 108–135. DOI 10.5922/2079-8555-2024-3-6. (in Russian)

4. Strel'cov D.V. Novaya “holodnaya vojna”: globalnoe i vostochnoaziatskoe izmereniya [The new 'cold war': global and East Asian dimensions]. *International trends*, 2024, vol. 22, no. 2(77), pp. 7–24. DOI 10.46272/IT.2024.22.2.77.3. (in Russian)

5. Strel'cov D.V. O novoj koncepcii nacional'noj bezopasnosti Yaponii [About the new concept of national security of Japan] // *Problems of Far East*, 2023, no. 2, pp. 9–25. DOI 10.31857/S013128120025335-9. EDN UCGJYQ. (in Russian)

6. Berger T.U. *Conclusion: The pragmatic liberalism of an adaptive state// Japan in international politics: Beyond the reactive state*. Lynne Rienner Press, 2007. P. 259–299.

7. Daly K., Gedminas T. *The Path to 2075 – Slower Global Growth, But Convergence Remains Intact*//Goldman Sachs Economic Report. 2022. 45 p.

8. Heginbotham, E., Samuels, R. J. Japan's Dual Hedge. *Foreign Affairs*, no. 81(5), pp. 110–121. DOI 10.2307/20033272.

9. Ikenberry G., Nexon D. Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. *Security Studies*, 2019, vol. 28(3), pp. 395–421. DOI 10.1080/09636412.2019.1604981

10. Ikenberry G. The Future of the Liberal World Order: Internationalism After America. *Foreign Affairs*, 2011, vol. 90, no. 3, 2011, pp. 56–68.

11. Kundnani H., Hosoya Y. (eds.). *The Transformation of the Liberal International Order: Evolutions and Limitations*. Springer. 2024. 140 p.

12. Tamaki N. Japan's quest for a rules-based international order: the Japan-US alliance and the decline of US liberal hegemony. *Contemporary Politics*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 384–401. DOI 10.1080/13569775.2020.1777041

13. Yan X. From keeping a low profile to striving for achievement. *The Chinese Journal of International Politics*, 2014, vol. 7, no. 2, pp. 153–184.

14. Asano Ryou. Bei-Chū kankei to kokusai chitsujo. 'Madara' de 'buyobuyo' shita chitsujo [The U.S.-China relations and the international order: a fragmented and unstable system]. *Doushisha Hougaku*, vol. 73, no. 3, pp. 473–508. (in Japanese).

15. Ishikawa Tomohisa. 2025-nen o rekishiteki kanten de kangaeru [2025 year as a turning point of history]. *Nihon Souken Viewpoint*, no. 2024-033, pp. 1–2. (in Japanese)

16. Naya Masatsugu, Ito Tooru et al. 2050-nen no kokusai chitsujo to Nihon no zahyōjiku [International order of 2050 and Japan's system of coordinates]. Seisaku think tank Nihon Souken, 2024. 116 p. (in Japanese).

17. Ooba Mie. Gendai Nihon gaikō no sanjū-nen [Thirty years of Japan diplomacy]. *Kokusai mondai*, 2019, vol. 2019, no. 196, pp. 97-115. (in Japanese).

18. Shiratori Jyun'ichiro. "Kachi" o meguru mosaku – Reisen-go Nihon gaikō no shin genmen ["The Quest for 'Values': New Frontiers in Japan's Post-Cold War Diplomacy"]. *International Security*, 2018, vol. 45, no. 4, pp. 68-85. (in Japanese).

19. Hosoya Yuichi. Riberaru na kokusai chitsujo to Nihon gaikō [Liberal World Order and Japan's diplomacy]. *International Relations*, 2020, no. 69, pp. 1-12. (in Japanese).

20. Qin Yāqīng. Měiguó dàxuǎn yǔ shìjiè géjú de zōuxiàng [The U.S. Presidential Election and Its Implications for the International System]. *International Relations*, 2020, no.12, pp. 1-3. (in Chinese).

21. Endo Ken, Ooshiba Ryou, Nakayama Toshihiro, Miyagi Taizo. Kokusai chitsujo wa yuraide iru no ka [Is the International Order Unstable?]. *International Relations*, 2018, no. 668, pp. 1-17. (in Japanese).

Сведения об авторе

Горячева Елена Александровна

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и

этнографии народов Дальнего Востока ДВО

РАН

Российская Федерация, 690901, Владивосток,

ул. Пушкинская, 89

e-mail: solo888@yandex.ru

ORCID:0000-0001-9357-5425

Information about the author

Goriacheva Elena Alexandrovna

Candidate of Sciences (History), Senior

Research Scientist

Institute of History, Archaeology and Ethnology

of the Peoples of Far East FEB RAS

89, Pushkinskaya st., Vladivostok, 690901,

Russian Federation

e-mail: solo888@yandex.ru

ORCID:0000-0001-9357-5425

Статья поступила в редакцию **03.06.2025**; одобрена после рецензирования **01.07.2025**; принята к публикации **25.07.2025**
The article was submitted **June, 03, 2025**; approved after reviewing **July, 01, 2025**; accepted for publication **July, 25, 2025**